

<https://doi.org/10.22455/978-5-9208-9782-3-169-189>

<https://elibrary.ru/LSVXQS>

Научная статья и публикация
архивных документов /
Research Article and Publication
of Archival Documents
УДК 821.161.1.0

This is an open access article
Distributed under the Creative Commons
Attribution-NoDerivatives 4.0
(CC BY-ND)

© 2024 г. А.А. Соболев

ВЯЧЕСЛАВ ИВАНОВ И ЗОЯ БУХАРОВА

Аннотация: В заметке с максимально возможными (при современном состоянии базы источников) подробностями реконструируется биография Зои Дмитриевны Бухаровой (1876 или 1877–1941) — малоизвестной петербургской писательницы рубежа веков. Ключом к ее — если не судьбе, то по крайней мере, психологическому портрету — оказывается история ее взаимоотношений с Вяч. Ивановым, начавшихся около 1910-го г. и завершившихся ее исповедальным письмом 1920 г. из глухого угла Псковской губернии. История их прерывистого и заведомо неравноправного диалога существенна не только для собственных жизнеописаний корреспондентов, но и — прежде всего — для изучения макрокосма русского модернизма в его межличностном аспекте.

Ключевые слова: Зоя Бухарова, Вяч. Иванов, седой ведун, поэтесса Зоя, Торопец.

Информация об авторе: Александр Львович Соболев — библиограф, историк литературы, Г-19, а/я 149, 119019 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-3820-4263>

E-mail: trirodov@gmail.com

Для цитирования: Соболев А.А. Вячеслав Иванов и Зоя Бухарова // Вячеслав Иванов. Исследования и материалы. Вып. 4 / ред.-сост. Е.А. Тахо-Годи, А.Б. Шишкин. М.: ИМЛИ РАН, Водолей, 2024. С. 169–189.

<https://doi.org/10.22455/978-5-9208-9782-3-169-189>

VYACHESLAV IVANOV AND ZOYA BUKHAROVA

Abstract: In this article, the biography of Zoya Dmitrievna Bukharova (1876 or 1877–1941), an obscure St. Petersburg poetess of the turn of the century, is reconstructed with the utmost (given the present-day state of the available sources) detail. Key to her — if not fate, then at least a psychological portrait — turns out to be the story of her relationship with Vyacheslav Ivanov, which began about 1910 and ended with her confessional letter of 1920, coming from the out-of-the-way corner of Pskov Governorate. The history of their intermittent and deliberately unequal dialogue is essential not only for correspondents' own life stories but also, above all, for studying the macrocosm of Russian modernism in its interpersonal aspect.

Keywords: Zoya Bukharova, Vyacheslav Ivanov, gray-haired Vedun, poetess Zoya, Toropets.

Information about the author: Alexander L. Sobolev, bibliographer, literary historian, P.O. box 149, 119019 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-3820-4263>

E-mail: trirodov@gmail.com

For citation: Sobolev, A.L. "Vyacheslav Ivanov and Zoya Bukharova." *Viacheslav Ivanov. Issledovaniia i materialy [Vyacheslav Ivanov. Research and Materials]*. Issue 4, comp. and ed. by E. Takho-Godi, A. Shishkin. Moscow, IWL RAS Publ., Vodooley Publ., 2024, pp. 169–189. (In Russ.)

<https://doi.org/10.22455/978-5-9208-9782-3-169-189>

Вячеслав Иванов с первых шагов в российской литературной жизни принял на себя роль и маску «седого ведуна» (по слову одного из восторженных поклонников¹), что прямым образом отразилось на составе его эпистолярия. Среди авторов писем, в изобилии приходивших на Таврическую, 25, а позже и на Зубовский, 25, многие искали советов не только и не столько в литературных делах, но и зачастую в областях, далеко выходящих за пределы поэтических компетенций. Этим диалогам учителя и учеников обычна присуща обидная археографическая ущерб-

¹ «Седой ведун! Мой добрый гений!» — из энкомия Михаила Васильевича Пепенина (см. о нем: [1, с. 249]).

ность: бумаги Иванова сбережены превосходно, так что о круге поставленных ему вопросов мы можем судить с изрядной полнотой, в то время как его советы, напутствия и рекомендации сохранены в очень малой степени — из-за превратностей судеб, вечно подстерегающих архивы малозаметных лиц. Иные из современников имели обычай набрасывать конспект будущего ответа прямо на полученном письме: благодаря этому мы, например, неплохо представляем хотя бы тональность реплик Блока в диалогах с молодыми поэтами. Иванов же подобной привычки не имел — из-за чего его несомненно существовавшие ответы на письма такого рода в большинстве своем оказались безвозвратно утраченными. Тем драгоценнее любое исключение из этих правил — на пример нижеследующего.

Москва,
Б. Афанасьевский пер.
д. 4 кв. 3

15.IV.1920

Дорогая Зоя Дмитриевна,

Да, трудно змее носить старую кожу, когда другая, любимая змея только что скинула свою, обветшалую, — уронила ее во прах. Должно мириться с новым создавшимся положением — утешительно ли оно в последнем счете и на дне своей горечи или нет, все равно. А новое положение в том, что существо любимого стало неуловимее через смерть, но в то же время приобрело способность глубже и тоньше проникать в нас и как бы пронизывать нас насквозь.

Столько о горькой утрате, про которую Вы мне пишете, — и я до признательности тронут этим оказательством Вашей истинной дружбы. Радуюсь вестям от Вас, хоть и горьким, потому что они свидетельствуют мне, что Вы духовно живы воистину, а такое благо не чрезмерно дорого покупается ценою страданий. В эти дни я именно думал о Вас вследствие встречи с Раменской, которая меня отыскала, чтобы поговорить об общих знакомых. Она сообщила мне о Вашем *soi disant* коммунизме, и я высказался за Вас. Вы пишете мне о том же, и вот мой простой ответ: в партию не вступайте (это не для Вас), но *прав-*

ду не уступайте, как если бы Вы были в партии. Ибо в ней соединены вместе правда и ложь. Критерий же правды, конечно, Христос. В нас Он, Христос, а потому не может быть нам истолкован извне. Слово Его звучит в глубине нашей и истолковывает себя само.

Церковь же, здесь пребывающая, так же меняет кожу, как и всякая жизнь на земле в наши дни. Змея — символ жизни.

Примите мой заочный братский и дружеский привет, дорогая Зоя Дмитриевна, и продолжайте хранить память о преданном Вам Вяч. Иванове.

<Приписка на Л. 1> Письмо Ваше — от 19 февраля! — получил только сегодня, 15 апреля².

Адресат этого письма — поэтесса Зоя Дмитриевна Бухарова, чья биография в равной степени могла бы увлечь генеалога и романиста. Она — внучка лермонтовского Бухарова («Мы ждем тебя, спешу, Бухаров...»), женатого на испанской подданной. Ее мать — актриса и певица, друг семьи Комиссаржевской. Отец — дипломат и писатель Дмитрий Николаевич Бухаров (1853–1889). Будущая поэтесса родилась в Амстердаме в 1876 г.³; раннее детство провела в Германии, но высокие нужды министерства иностранных дел вскоре вмешались в ее биографию: Бухаров был назначен генеральным консулом в Северной Норвегии и, отбыв туда, энергично стал осваивать на тот момент полудикий край: за три года он выпустил три книги: «Русские в Финмар-

² РГБ. Ф. 109. К. 9. Ед. хр. 11. Л. 1–2. Фрагмент письма был процитирован в работе: [9, с. 229]. Упоминаемая в письме Раменская нам неизвестна. Представляется вероятным, что это описка Иванова: трудно предположить существование неслучайной знакомой, ни разу не упомянутой в материалах архива.

³ Дата приведена в основном источнике к ее жизнеописанию — автобиографии, датированной 12 января 1923 г. (РГАЛИ. Ф. 1068. Оп. 1. Ед. хр. 25). Впрочем, в недатированном письме к Н.В. Корецкому, редактору журнала «Пробуждение», она утверждала: «Затем сообщаю Вам год моего рождения — 1877 и появления первого стихотворения в печати — 1892» (РГАЛИ. Ф. 272. Оп. 1. Ед. хр. 10. Л. 3). См. также: [10, т. 1, с. 380]. В справке о смерти (о чем далее) год рождения указан 1875-й.

кене», «О меновых торговых сношениях с Финмаркеном», «Поездка по Лапландии осенью 1883 года». Вероятно (и небезосновательно), местные условия были сочтены неподходящими для ребенка, так что дочь была перевезена в Санкт-Петербург, где училась в частном пансионе.

Но следующее назначение консула переменило ее судьбу — он был отправлен в Иерусалим, где в последующие годы сделался персонажем травелогов, посвященных Святой Земле: «С первого дня моего приезда в Святой Град, со стороны нашего консула, многоуважаемого Дмитрия Николаевича Бухарова, мне было оказано во всем полное внимание, радушие, наставление и ограждение во всех моих поездках по окрестностям Иерусалима» [7, с. 253–254]. Этот же мемуарист был приглашен к хлебосольному консулу домой и у него отобедал, проведя «в семействе почтеннейшего нашего консула» [7, с. 130] с пяти до восьми часов вечера понедельника 13 апреля 1887 г. Путешественник не упоминает о составе семейства, между тем, он не слишком типичен: жена и сын дипломата остались в Петербурге, а десятилетняя дочь приехала к нему в Палестину — и с этого начинается ее собственный краткий *curriculum vitae*.

«Прожив там год и очень тяготясь, чуждою моему характеру, почти византийскою пышностью новой обстановки — я часть этого времени училась дома, а последние месяцы была помещена в Католический монастырь “Notre Dame de Sion”, куда местная аристократия отдавала своих детей для усовершенствования в языках и где образование велось высококультурными монахинями. Но т. к. наравне с этим — там же шло ярое обращение детей в католичество — то высшие власти заставили отца, как официального представителя России — немедленно взять меня оттуда и я, к величайшей своей радости — была отправлена в Россию к матери и брату. Путешествие на восток и год в Палестине произвели на мое детское воображение впечатление неизгладимое и вероятно сыграли определенную роль в направлении моего творчества»⁴.

⁴ РГАЛИ. Ф. 1068. Оп. 1. Ед. хр. 25. Л. 1.

В столице она поступила в Павловский женский институт (как дочь гражданского, но здравствовавшего на тот момент чиновника она имела право сдавать туда экзамены — сироты принимались просто по заявлению) и проучилась там несколько лет, отличаясь на уроках языка и литературы, но отставая по математике. Из-за расстроенных нервов и вызванной ими глазной болезни курса она не закончила и была увезена матерью в наследное имение Любенск в Псковской губернии. Здесь она прожила почти безвыездно до конца 1890-х гг., между тем как имя ее делалось известным в редакциях литературных журналов: начиная с 1891 г., когда состоялся ее дебют в петербургском «Севере», стихи Бухаровой регулярно появлялись в «Ниве», «Всемирной иллюстрации» и других иллюстрированных еженедельниках.

Следующая страница ее жизни покрыта туманом. В автобиографии она пишет: «В 1899 г. в связи с замужеством и отъездом на постоянное жительство в другое наше имение Псковской губ. — а также в силу обострившейся нервной болезни — в творчестве моем наступил трехлетний перерыв. Разойдясь с мужем — я с двумя детьми вернулась в Петроград и всецело, как ради необходимого заработка, так и по влечению отдалась литературно-театральной работе, став постоянным сотрудником журнала “Театр и Искусство” (рецензии, переводы, стихи)»⁵.

К этому же времени относится ее очное вхождение в петербургскую литературную жизнь:

Как председатель наших поэтических вечеров я должен был вчера заехать за Зоей Бухаровой (Бассейная, 28, меблированные комнаты, № 37). Я видел ее лишь однажды: на похоронах Полонского, когда его тело вносили в вагон; она стояла под руку с Быковым. (Я попросил его представить меня, на что он резко ответил: “Нет”.) Она никогда меня не видела. И все-таки мы знакомы друг с другом: недавно у нас была переписка по одному поводу (расскажу при случае). — Мы договорились, что я заеду за ней, поэтому она была в полной готовности. Молодая, стройная, гибкая, пухленькая; с большими огненно-темными и

⁵ Там же. А. 2. Известна лишь фамилия ее мужа — Казин. Немногочисленные сведения о нем, сообщаемые далее, личность его не проясняют.

в то же время чуть застывшими глазами; когда задумывается, левый глаз немного косит в левую сторону. В ней течет испанская кровь. Приехала сюда всего на несколько недель. Живет постоянно недалеко от станции Плюсса. Там у нее имение, у ее матери — тоже, и они хотят их продать — поскольку совсем не разбираются в сельском хозяйстве. “У нас ни копейки денег. Все потому что мы — художественные натуры”. Имеет двоих детей, но не живет с мужем. “Он вульгарен по своей натуре и никогда не понимал меня”. Они познакомились в день похорон Полонского; он был тогда студентом, теперь — земский начальник. Она испытывала передо мной какой-то необъяснимый страх, но, побеседовав десять минут, сказала, что во мне нет ничего ужасного. Сперва мы провели около получаса у меня в кабинете, который ей так понравился, что она никуда не хотела ехать, тем более — в общество незнакомых ей людей [14, с. 390–301]⁶.

Эта запись в дневнике Ф.Ф. Фидлера сделана 13 февраля 1905 г. Три недели спустя был назначен следующий поэтический вечер — у Федора Сологуба. Накануне его Бухарова прислала Фидлеру недатированную записку: «Мне бы хотелось с Вами поговорить относительно 5-го. Я одна ни за что не пойду к Сологубу — он очень строгий, да я и не сказала с ним ни слова — м. б. ему еще и не понравится, что я приеду. Т. ч. Вы опять пожалуйста заезжайте за мной»⁷. Фидлер выполнил ее просьбу — и на следующий день, 6-го марта 1905 г., скрупулезно фиксировал в дневнике:

⁶ Ср., кстати, мимолетное упоминание: «Интересна была семья старшей сестры отца — тети Саши, Александры Викторовны Бухаровой, вдовы псковского помещика. Она увлекалась сценой, в молодые годы играла в любительских спектаклях, но профессиональной актрисой сделалась, лишь достигнув пожилых лет. Тетя Саша принадлежала к труппе Преображенского театра, возглавлявшегося Павлом Павловичем Гайдебуровым, и была очень дружна с ним и его женой, сестрой Веры Федоровны Комиссаржевской.

Дочь тети Саши Зоя Бухарова была поэтессой и богоискательницей, сын Борис — театральным декоратором. Бухаровы с энтузиазмом служили театру и искусству, но на жизнь это давало мало средств, и они существовали, проедавая оставшиеся им в наследство имения» [2, с. 29–30].

⁷ РГАЛИ. Ф. 2571. Оп. 1. Ед. хр. 47. Л. 3.

Вчера, по договоренности, заехал за Бухаровой, чтобы сопроводить ее на поэтический вечер. По дороге она рассказывала, что ее нынешний “муж” — еврей и больной человек, вызывающий у нее жалость. Многократно упоминала о том, что пользуется среди мужчин неотразимым успехом. К ней являлись даже те, с кем она обмолвилась лишь парой слов. Вчера трижды заезжал Сергеенко и убеждал ее: мол, природа дала ей все для того, чтобы одновременно осчастливить нескольких мужчин; и сделать это — ее долг. Затем приезжали с недвусмысленными намерениями — И.И. Соколов и Лихачев; последний прямо-таки отвратителен.

Поэтический вечер (он состоялся у Сологуба) еще никогда не был столь многолюдным, как вчера.

В последующем описании вечера о Бухаровой сказано: «она действительно всем очень нравилась и вызывала у дам завистливые взгляды» [14, с. 392]⁸.

Сологуба, как выяснилось, она опасалась совершенно зря — сделавшись постоянной посетительницей «Пятниц Случевского», она (что было знаком особенного расположения) не раз оказывалась героиней его солоноватых рифмованных мадригалов:

— О Зоя, Зоя, Зоя!
Ты злее палача:
Лишила ты покоя
Иван Ивановича! [13, с. 253].

Или:

Я гляжу на бюст
Поэтессы Зои,
Вижу алость уст
И волнение злое.
Баюшки-баю
Зое Дмитриевне спою [13, с. 384].

⁸ В одну из последующих встреч она преподнесла Сологубу экземпляр своей единственной книги стихов [4] с инскриптом: «Высокодаровитому и симпатичному Ф.К. Сологубу на добрую память от скромного товарища по перу автора. 24 апреля 1905» [15, с. 450]).

Между тем, перечисляя уже в закатные дни лиц, имевших для нее особенное значение, Сологуба она не упоминает вовсе: «Для пополнения автобиографии — сообщаю, что из числа больших современников знала близко: Н.А. Римского-Корсакова, В.Ф. Комиссаржевскую, Вяч.Ив. Иванова, Антона Вл. Карташева. Два последних — оказали на мою мысль и творчество — неизгладимое влияние»⁹. Римский-Корсаков купил у них с матерью псковское имение, которое оказалось для него роковым — он не успел прожить в нем и года, скончавшись прямо там от сердечного приступа. С Комиссаржевской прятельствовала ее мать. Карташева она видела в Религиозно-философском обществе, членом которого состояла [12, т. 3, с. 519]. И там же, точнее, в христианской секции общества, состоялось судьбоноснейшее из ее знакомств — с Вячеславом Ивановым.

Вероятно, встретились они на рубеже 1910 и 1911 гг. — по крайней мере, первое ее письмо к нему датировано 25 февраля 1911 г., но в нем упоминаются и их предшествующие свидания. Экзальтированный тон ее послания в ближайшие годы останется неизменным компонентом их диалога, приобретавшего по временам несколько односторонний характер:

Глубокоуважаемый Вячеслав Иванович,
к горячему своему сожалению я не могла воспользоваться Вашим милым разрешением побывать у Вас на той неделе, т.к. неожиданно получила срочную работу, от которой освобожусь только к четвертой неделе. Может быть Вы разрешите мне прийти к Вам тогда? Спрошу Вас об этом на следующем собрании секции. Пока же — от всего сердца благодарю Вас за то, что Вы иногда вспоминаете о моем существовании и даете мне возможность иногда говорить с Вами и спрашивать о вещах, на которые мне важен и ценен только Ваш ответ. Не могу выразить, как глубоко это освещает и очищает мне жизнь...¹⁰.

В следующие месяцы она пишет ему каждые две-три недели (при том, что они явно продолжают видеться и в Религиозно-

⁹ РГАЛИ. Ф. 1068. Оп. 1. Ед. хр. 25. Л. 4.

¹⁰ РГБ. Ф. 109. К. 14. Ед. хр. 15. Л. 1.

философском обществе) — просит разрешения прийти; предупреждает, что, робея свинки («свинка очень заразительна, а если бы заболела моя девочка — это при всех наших прочих невзгодах было бы уж слишком тяжело»), отменяет визит; благодарит за свидание («Как отрадно делать людей такими счастливыми и сильными, какую Вы делаете меня каждый раз как я Вас вижу!»); благодарит за книгу¹¹; сопереживает болезни Веры Константиновны; отказывается прислать свои стихи («Помню — в последний раз Вы сказали, что даете мне “заказ”, чтобы я прислала Вам хоть несколько строк стихов своих... Знаю — эти слова были подсказаны исключительно добротой Вашей... Вы хотели дать мне интересную, радостную — ибо она освящена и согрета вниманием Вашим — работу. Увы, мне кажется, что вся моя маленькая, наивная лирика окончательно умерла. Не способна я на нее больше»¹²) и т. д.

Со временем она стала приносить и передавать через швейцара «башни» букеты цветов с запиской, а сама — смиренно ожидать ответа, прогуливаясь у подъезда; эти однотипные недатированные послания в непрошедших почту конвертах сохранились в изрядном количестве: «Пожалуйста, Вячеслав Иванович, передайте эти цветы Вашей падчерице и скажите, что я горячо желаю ей самого скорого, полного выздоровления. Если это не затруднит Вас — выйдите ко мне, пожалуйста, хоть на полчасика — ведь из всех людей в мире мне только от Вас теперь и может быть лучше... Если же это Вам сейчас неудобно — передайте через швейцара в какой день и час могу я прийти»¹³; «Если возможно, передайте пожалуйста сейчас швейцару, в какой день и час могу я прийти — если же это неудобно, то будьте добры назначить время по телефону (91–52)»¹⁴; «Примите эти розы, дорогой Вячеслав Иванович, в знак глубокой радости — благодар-

¹¹ Там же, лл. 3, 5, 9 (письма весны и лета 1911 г.). В записях поручений Иванова, которые вела М.М. Замятнина, имя Бухаровой значится в списке рассылки экземпляров неизвестной книги и в реестре адресатов писем, требующих отправки (РГБ. Ф. 109. К. 44. Ед. хр. 21. Л. 1; список не датирован).

¹² Письмо от 28 июля 1911 г. // РГБ. Ф. 109. К. 14. Ед. хр. 15. Л. 12 об.

¹³ Там же. Л. 13.

¹⁴ Там же. Л. 26.

ности за чудесного вчерашнего Гете. После долгих беспросветных дней муки моего полусознания — я отдохнула на Ваших родных и близких мне словах. Мне тяжело, очень тяжело, Вячеслав Иванович — и я скоро приду к Вам. Ведь можно?... Я прихожу к Вам только тогда, когда жизнь становится совсем не под силу и верю — Вы простите и поймете меня и подарите мне частицу Вашего времени»¹⁵ и т. д.

Отвечал он ей, кажется, совсем редко — в предпоследнем письме (о котором впредь) она почти без упрека констатирует: «Если когда-нибудь Вы напишете мне из Москвы только это “Христос с Вами” — как сказали вчера — я буду долго и глубоко счастлива. Ведь мне надо так мало, Вячеслав Иванович, а Вы написали мне только один раз: когда я принесла цветы Вере Константиновне»¹⁶. Но впрочем, в трудную минуту он помог ей деньгами — и ей потом пришлось долго и витиевато извиняться, поскольку журнальная поденщина и болезнь близких не позволили ей быстро вернуть долг.

Эти неравноправные отношения естественным путем прервались со спешным отъездом Иванова за границу в 1912 г. Вслед Бухарова отправила последнее письмо из этого цикла: «Эта милая “башня” так долго была единственным маяком, единственным прибежищем моим!... Я редко к Вам ходила — Вы знаете — боялась беспокоить и утруждать Вас — но иногда — только взглянув в конец Таврической улицы — чувствовала себя бодрее, спокойнее, терпеливее — и могла жить дальше, дальше нести непосильную муку свою...»¹⁷.

В следующий раз они встретились полтора года спустя, 26 января 1914 г., вероятно, на знаменитом заседании Религиозно-философского общества, где исключали В.В. Розанова (Иванов приехал тогда — не только за этим — на несколько дней из Москвы¹⁸). Назавтра Бухарова писала: «Те немногие минуты, кото-

¹⁵ Там же. Л. 20. Против обыкновения, это письмо датировано — 2 мая 1912 г., на следующий день после ивановской лекции.

¹⁶ Письмо от 27 января 1914 г. // Там же. Л. 23.

¹⁷ Там же. Л. 21.

¹⁸ Иванов приехал в столицу 19 января и пробыл, вероятно, до 29-го (см. хронику этих дней: [5, с. 371]).

рые Вы мне дали вчера — были мне дороже всего, что я пережила за эти два без Вас года. <...> Вы спрашивали как я живу. Живу больше в Боге и больше в творчестве, чем в чем-либо ином. Но красоты и радости — настоящих, чистых — нет у меня больше с тех пор, как в Петербурге нет Вас. <...> В моей жизни Вы были существенным — и что бы ни случилось со мною дальше — я ни на одну минуту не перестану чувствовать к Вам самого лучшего, самого светлого и истинного, что только может чувствовать один человек к другому»¹⁹.

В эти годы Бухарова печатается в «Ниве», «России», «Отдыхе христианина», «Родной жизни», «Пробуждении» и много где еще; между прочим, среди ее рецензий — отзывы на «Мирские думы» Ключева и «Радуницу» Есенина (экземпляр последней она получила от автора с дарственной надписью: «Дорогой Зое Дмитриевне Бухаровой с любовью и искренним расположением. Сергей Есенин. 31 января 1916 г. Петроград»²⁰).

Вспоминая несколькими годами позже об этом периоде своей биографии, она особо подчеркивала: «Для выяснения моей литературно-поэтической физиономии хочу добавить, что прошла внутренне чрезвычайно сложный путь от крайнего анархизма — до философии Хомякова, Вл. Соловьева — ныне — Флоренского и отчасти — Бердяева. Славянофильство — временно привело меня к возможности работать в органах узко националистического характера, но “Двенадцать” Блока — перевернули все мое, уже подготовленное к таким выводам, мировоззрение — до основания. Тем не менее — христианская и даже церковная мистика осталась первенствующей в моей поэзии, несмотря на определенное утверждение мною революции с первого — до настоящего дня»²¹.

¹⁹ РГБ. Ф. 109. К. 14. Ед. хр. 15. Л. 23, 24 об., 25.

²⁰ Опубликовано П.Н. Пропаловым, создателем ныне покойного есенинского музея в Вязьме: [11, с. 3]; статья содержит среди прочего квалифицированный очерк биографии Бухаровой. Рецензия напечатана: Нива. Ежемесячное литературное приложение. 1916. № 5. С. 146–148. См. также: [6, с. 4].

²¹ РГАЛИ. Ф. 1068. Оп. 1. Ед. хр. 25. Л. 3 об. — 4.

Это христиански-революционное мировоззрение, столь нередкое в петроградских литературных кругах, привело ее в 1917 г. к работе в левозсеровской газете «Знамя труда». Летом 1918 г., на волне репрессий после подавления эсеровского мятежа, газета была закрыта — и Бухарова вместе с матерью уехала в Торопец — уездный город Псковской губернии. Так начинался следующий этап ее жизни.

В моем собрании хранится любопытный артефакт — экземпляр единственного сборника стихов Бухаровой с вложенной туда ее оригинальной фотографией; форзацы и белые поля первых листов исписаны неуверенным женским почерком:

Зоя Дмитриевна Бухарова, — друг моей далекой юности, жила в г. Торопце в 1920–1923 гг.²² Это первый друг и критик моих стихов. От нее я узнала правила стихосложения, ударений в словах, узнала о музыке ритма, о рифме и ассонансах и т. д. Она помогла мне устроиться в Петроградскую Центр<альную> Театральную студию им. Шимановского, в которой не дал мне учиться муж. В П<етрогра>де я жила 10 месяцев на квартире З.Д. Бухаровой. Она любила меня и видела во мне “огонь, свет и талант”, так она сказала обо мне.

Все эти стихи — ее ранние стихи. Позже она писала много серьезнее и лучше. Все эти стихи я читала и знала из ее тетрадей и дневников, которые она мне давала читать. Я знаю даже, кому каждый стих написан, знаю причины рождения этих стихов.

Петроград. Пушкинская ул., дом 24. Кв-ра Бухаровой Зои Дмитриевны и ее дочери Элички, которая вышла замуж за сына Торопецкого (это гор<од> Торопец б<ывшей> Псковской губ<ернии>) нашего знакомого Бориса Ник. Бабкина. В 1921–22 г. Зоя Дм. приехала к дочке и зятю в г. Торопец, познакомилась с моей мамой и полюбила очень меня.

Сторонние сведения не очень многое могут прибавить к этой мемуарной зарисовке — известно, что Зоя Бухарова печаталась

²² Как мы увидим далее, даты эти ошибочны: Бухарова приехала в Торопец в ноябре или декабре 1918 г.

под псевдонимом «Фома Верный» в «Торопецких известиях» и служила в торопецком отделе народного образования. Гораздо больше говорят два письма, отправленные ею из Торопца с годовым интервалом. Первое из них 3 февраля 1919 г. было послано Блоку:

3-го февр. 1919.

Торопец. Псковской губ.

Великолуцкая ул. д. б. Чириковой

Глубокоуважаемый Александр Александрович, может быть Вы будете удивлены настоящим моим письмом — но если бы Вы знали как глубоко, давно и исключительно люблю я Ваше творчество — Вы бы приняли это совсем просто. Но если я всегда относилась с несказанным благоговением к каждой Вами созданной строке — то оно, если возможно, еще усилилось со времени появления Ваших «Двенадцати» и Ваших статей об интеллигенции в нашем, блаженной памяти, «Знамени Борьбы». После октябрьских дней столько мучительного пришлось испытать из-за душевного раскола с многими, многими недавними друзьями своими (среди них — есть у нас и общие с Вами!), что сознавать своим единомышленником Вас — самого большого и прекрасного из современных художников слова — было, даже издали, даже помимо ведома Вашего — громадным утешением и радостью. «Двенадцать» я считаю вещь единственной, неповторимой, истинными скрижалями великой русской, социальной Революции и уже очень многим людям их незнающим — мне посчастливилось, поскольку это, конечно, лежало в моих скромных возможностях — открыть их красоту и силу. Обращаюсь к Вам теперь именно по поводу «Двенадцати». Дело в том, что кто-то, перед самым моим отъездом сюда — взял у меня эту книжку (издание «Зн<амени> Бор<ьбы>») и не возвратил. Очень я о ней горевала — т.к. это был единственный у меня экземпляр и достать другой — тогда уже не было ни времени, ни возможности. Тем более, что тот же Ваш ярый, неведомый мне почитатель — присвоил и остальные, свято у меня хранимые, стихи Ваши.

Сейчас я уже третий месяц живу в маленьком, глухом — но достаточно любопытном городке Торопце (провинция явля-

ет для меня полную новость) и заведу при местном Отделе Нар<одного> Образ<ования> — художественной секцией. Это звучит гордо — но означает тяжелую, зачаточную работу на совершенно невосделанной почве, под сырым — а иногда, что гораздо хуже — уже отравленным пошлостью и дешевкой — материалом. О «Двенадцати» здесь по темноте и косности не знают даже общественные деятели и интеллигенты. Вот я и хочу, возможно шире и ярче, осведомить их в этом отношении, прочитав, на одном из нередко организуемых здесь концертов-митингов Вашу чудесную поэму с маленьким вступительным словом. Оттого и обращаюсь к Вам, Александр Александрович, с горячей просьбой — прислать мне книжку с «Двенадцатью» и «Скифами» по адресу, указанному выше — или просто: Торопец. Отдел Народн<ого> Образ<ования>. Зое Дмитр. Бухаровой. Я бы могла, конечно, получить ее каким-либо иным путем, но очень уж соблазнительна перспектива иметь непосредственно из Ваших рук и — если захотите быть до конца великодушным — с самой хотя бы лаконической надписью. Простите, что беспокою Вас всем этим — назойливость какого бы то ни было характера — далеко не в моих привычках, но, думаю, что испытанная любовь моя к «Двенадцати» — дает мне хотя бы маленькое право на настоящую мою просьбу. Буду очень, очень их ждать.

Всего доброго Вам — в творческой, личной и общественной жизни.

Душевно Вам преданная Зоя Бухарова²³.

Блок, вопреки обыкновению, помет на письме не делал, но на просьбу отозвался — 11 февраля 1919 г. он, фиксируя в записной книжке отправленные экземпляры «Двенадцати», пишет: «Заказные В. Муйжелю, А. Шрейдеру и З. Бухаровой» [3, с. 449]. После этого какие бы то ни было сведения о ней пропадают более чем на год, и только 19 февраля 1920 г. она отправляет письмо Вяч. Иванову — то, на которое он отозвался приведенным выше посланием. Вот оно:

²³ РГАЛИ. Ф. 55. Оп. 1. Ед. хр. 178.

Торопец Псковской губ.
Никольская пл. д. Крюковской
19-ого февраля 1920

Глубокоуважаемый, дорогой Вячеслав Иванович, если б я писала не Вам — то сказала бы раньше всего, что Вы наверное удивитесь моему почерку. Но я знаю, что Вы ничему, никогда удивляться не можете, что Вам открыто все тайное и явное в душе человеческой и что как бы ни был продолжителен внешний отрыв наших отношений — я могу прийти к Вам просто и легко, как будто видалась вчера. Уже давно, давно хочу я написать Вам. Ведь думаю я о Вас каждый день. Но все не решалась, все боялась отнять у Вас время, не имея на это определенного основания. Теперь же, сейчас, не рассуждая, не колеблясь прихожу к Вам — в неизреченном горе своем, т. к. знаю — непоколебимо знаю — что один Вы сможете дать мне силу перенести его. И верю также, что Вы поймете меня, простите за то, что обременяю Вас и своим существом и своими неразборчивыми бессвязными строками.

Вы были самым прекрасным, самым драгоценным, самым благодатным явлением моей жизни. Я сейчас в самые страшные, самые горькие, самые темные свои дни — я прихожу к Вам, моля у Вас помощи, утешения и веры.

Умерла моя мама. Только что умерла, неожиданно, внезапно. Я любила ее больше всего в мире. И не могу перенести этой утраты. Потому прихожу к Вам. Помню — все чудесные стихи и слова Ваши о смерти — нет — именно о несуществовании смерти. И прошу, молю Вас — добрый, дорогой, единственный Вячеслав Иванович — написать мне хоть несколько строк, которые бы, как несколько лет тому назад — дали мне силу жить.

Потому что — жить мне надо, я должна жить. Должна не только потому, что уменя есть дочь — слабое, внутренне безвольное — и поистине несчастное существо, но еще и потому, что, при всем отсутствии самомнения и самоуверенности — чувствую, как за последние годы — в душе и мысли моей созревает что-то, очень еще неясно и робко — но все же — созревает что-то нужное людям. Через многое прошла я, Вячеслав Иванович, за то время, что мы не виделись. Через голод, лишения, изнурительный труд, всякие унижения — внешне, через

ряд соблазнов, ошибок и разочарований внутренне. С начала Октябрьской революции — всей душой ушла в идеологию левых с.-ров, работала в культ<урно->просв<етительском> отделе «Знам<ени> Борьбы» с первого до последнего дня. Осталась им верить и по падении их — вообще всем существом приняла очистительно-искупительную сторону Революции в отношении дворянства и интеллигенции вплоть до «12ти» Блока. Много перенесла за это унижений — чуть ли не бойкот — со стороны близких друзей: (мама моя была неизменно со мною). Потом — мы все потеряли в Петрограде — голодали, бедствовали и принуждены были уехать сюда в Торопец, (где живет моя дочь) где живу уже второй год и служу в местном Отделе нар<одного> образования секретарем. Много, много было трудного и здесь — никогда не жила я в провинции, узки, дики мне здесь и масти и нрав — но зато от общения с волостным учительством и местными учреждениями — приобретен серьезный, подлинный опыт, который, верю — пригодится для дальнейшей работы. Были минуты — хотела вступить в местную партию коммунистов; но многое удержало и прежде всего — вопрос религиозно-церковный. По вопросу этому — думала бесконечно много, не смею сказать — продуктивно, но все же, надеюсь, и не совсем бесплодно. Вопрос этот — т. е. связь революции и Церкви интересует меня сейчас больше всего в мире и надежда послужить, хотя бы скромнейшим своим трудом, на пользу ему — одна дает мне сейчас силы терпеть мое неизреченное горе. Перечитываю, когда позволяет зрение и время — Флоренского, Бердяева, Мережковского. Везде нахожу лишь частичные ответы. Ответа полного на это и на все — жду от Вас, только от Вас, дорогой Вячеслав Иванович!... Не откажите мне в нем — как не отказывали бывало! Прошу у Вас лучезарных, драгоценных слов Ваших, как голодный — хлеба, как жаждущий — воды. Верю — о, как горячо верю — что Вы один можете мне дать сейчас успокоение и силу — прежде всего в мучительной моей утрате, а затем — и во всем моем творческом религиозно-общественном пути.

У меня есть надежда — временно побывать в Москве. Прежде всего потому, что я не могу сейчас жить здесь, где все кричит о маме, где каждый образ, каждый шаг мой — отмечен кровью.... но так скоро еще не смогу приехать. Верю, что с Вами и около

Вас все хорошо, хотя ничего о Вас не знаю. И жду, жду — умо-
ляю Вас об ответе!

Зоя Бухарова.

<Приписка:> Письмо это передаст Вам жена моего брата. А
мой адрес — прилагаю или — Торопец. Уездный отдел Народ-
ного образования, мне²⁴.

Как видно из ивановского ответа, письмо шло до Москвы поч-
ти два месяца — вероятно, трудностей добавила и состоявшаяся
тем временем смена адреса: Ивановы переехали с Зубовского
бульвара в Большой Афанасьевский переулок. Почему письмо
Иванова к Бухаровой сохранилось в его собственном архиве —
неясно: может быть, вернулось из-за нерадивости почты или по
той или иной причине так и не было отправлено. Скорее всего,
встретиться лично им больше не довелось. В 1922 г. Бухарова
вернулась в Петроград: точная дата нам неизвестна, но в мему-
арной записи П.Н. Медведева о Н.А. Ключеве упоминается ее при-
сутствие на одном из заседаний Вольфины: «Свела нас З.Д. Бу-
харова, седое дитя, в августе 1922 г., на одном из посвященных
Блоку заседаний Вольно-Философской Ассоциации»²⁵. Авто-
биографию, составленную ею в 1923 г., она завершает драмати-
чески: «В настоящее время — не пишу и не печатаю стихов. По-
следнее — за отсутствием соответствующего моей идеологии
органа. Второй сборник стихов — думается — более ценный,
чем первый, был готов в 1917 г. — но печатать его — помешали
условия исторического момента»²⁶. Еще два года спустя комис-
сия Ленинградского отделения «Всероссийского союза писате-
лей», обследовавшая местных литераторов, нашла ее в плачев-
ном положении: «Бухарова З.Д. — лит<ературой> зан<имается>
32 года. Болезнь сердца, слабое зрение. Заработка никакого, жи-
вет на средства дочери, имеющей ребенка»²⁷. До последнего вре-

²⁴ РНБ. Ф. 304. Ед. хр. 51.

²⁵ Цит. по: [8, с. 108].

²⁶ РГАЛИ. Ф. 1068. Оп. 1. Ед. хр. 25. Л. 4.

²⁷ Доклад секретаря Ленинградского отдела правления «Всероссийского
Союза Писателей» о результатах обследования материального и правового

мени годом ее смерти указывался то 1923-й, то «после 1928» — и лишь совсем недавно стало известно, что она умерла в первую блокадную осень²⁸.

Список литературы

Исследования

1. *Азадовский К.* Серебряный век. Имена и события: Избранные работы. СПб.: Изд-во Пушкинского дома; Нестор-история, 2015. 509 с.
2. *Аничков С.В.* На рубеже эпох. СПб.: Изд-во Политехнического университета, 2017. 358 с.
3. *Блок А.* Записные книжки. 1901–1920 / сост., подгот. текста, предисл. и примеч. Вл. Орлова. М.: Худож. лит., 1965. 663 с.
4. *Бухарова З.* Стихотворения. СПб.: Тип. Ю. Мансфельд, 1903. 96 с.
5. Вячеслав Иванов. Исследования и материалы. Вып. 2 / отв. ред. Н.Ю. Грыкалова, А.Б. Шишкин. СПб.: РХГА, 2016. 509 с.
6. *Карохин А.* Забытое имя: Зоя Бухарова // Санкт-Петербургские ведомости. 1993. № 57/58. 13 марта. С. 4.
7. *Коптев А.* Воспоминание о поездке в Константинополь, Каир и Иерусалим в 1887 году. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1888. 340 с.
8. *Медведев Ю.П.* Николай Клюев и Павел Медведев. К истории диалога // Николай Клюев глазами современников: сб. воспоминаний / сост., подгот. текста и примеч. В.П. Гарнина. СПб.: Росток, 2005. С. 108–117.
9. *Обатнин Г.В.* Штрихи к портрету Вяч. Иванова эпохи революций 1917 года // Русская литература. 1997. № 2. С. 224–230.
10. *Подольская И.И.* З.Д. Бухарова // Русские писатели: 1800–1917. Биографический словарь / гл. ред. П.А. Николаев. М.: Сов. энциклопедия, 1989. Т. 1: А–Г. С. 380–381.

положения членов В.С.П. по Ленинграду, составленный на основании анкетных данных // ГАРФ. Ф. 2307. Оп. 10. Ед. хр. 357. Л. 14. Известна краткая записка Бухаровой к Н.Е. Добычиной от 25 февраля 1926 г., в которой она извиняется, что нездоровье и домашние хлопоты помешали ее визиту (РГБ. Ф. 420. К. 7. Ед. хр. 21. Л. 1).

²⁸ URL: <https://vizs.nlr.ru/blockade/show/979992>. Впервые этот источник был выявлен анонимным автором статьи про Зою Бухарову в русской Википедии.

11. *Пропалов П.* Неизвестный автограф С.А. Есенина // Ленинский путь (Вязьма). 1990. № 64. 21 апреля. С. 3.
12. Религиозно-философское общество в Санкт-Петербурге (Петрограде): История в материалах и документах: 1907–1917: в 3 т. Т. 3: 1914–1917 / сост. О.Т. Ермишин, О.А. Коростелев, А.В. Хачатурян. М.: Русский путь, 2009. 653 с.
13. *Сологуб Ф.* Полн. собр. стихотворений и поэм: в 3 т. СПб.: Наука, 2014. Т. 2. Кн. 2: Стихотворения и поэмы 1900–1913 / отв. ред. А.В. Лавров, подгот. Т.В. Мисникевич. 804 с.
14. *Фидлер Ф.Ф.* Из мира литераторов. Характеры и суждения / подгот. К.М. Азадовский. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 861 с.
15. *Шаталина Н.Н.* Библиотека Ф. Сологуба (материалы к описанию) // Неизданный Федор Сологуб: стихи, документы, мемуары / под ред. М.М. Павловой и А.В. Лаврова. М.: Новое литературное обозрение, 1997. С. 435–521.

References

1. Azadovskii, K. *Serebrianyi vek. Imena i sobytiia: Izbrannnye raboty* [The Silver Age. Names and Events: Selected Works]. St. Petersburg, Pushkinskii Dom Publ., Nestor-istoriia Publ., 2015. 509 p. (In Russ.)
2. Anichkov, S.V. *Na rubezhe epokh* [At the Crossroads of Eras]. St. Petersburg, Polytechnic University Publ., 2017. 358 p. (In Russ.)
3. Blok, A. *Zapisnye knizhki. 1901–1920* [Notebooks. 1901–1920], comp., text prep., introd. and ref. by V. Orlov. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1965. 663 p. (In Russ.)
4. Bukharova, Z. *Stikhotvoreniia* [Poems]. St. Petersburg, Tipografiia Iu. Mansfel'd Publ., 1903. 96 p. (In Russ.)
5. *Viacheslav Ivanov. Issledovaniia i materialy* [Vyacheslav Ivanov. Research and Materials]. Issue 2, ex. ed. N.Yu Gryakalova, A.B. Shishkin. St. Petersburg, RKHGA Publ., 2016. 509 p. (In Russ.)
6. Karokhin, L. "Zabytoe imia: Zoia Bukharova" ["Forgotten Name: Zoya Bukharova"]. *Sankt-Peterburgskie vedomosti*, no. 57/58, March 13, 1993, p. 4. (In Russ.)
7. Koptev, A. *Vospominanie o poezdke v Konstantinopol', Kair i Ierusalim v 1887 godu* [Memories of a Trip to Constantinople, Cairo and Jerusalem in 1887]. St. Petersburg, Tipografiia M.M. Stasiulevich Publ., 1888. 340 p. (In Russ.)

8. Medvedev, Iu.P. "Nikolai Kliuev i Pavel Medvedev. K istorii dialoga" ["Nikolai Klyuev and Pavel Medvedev. To the History of the Dialogue"]. *Nikolai Kliuev glazami sovremennikov: sb. vospominanii* [Nikolai Klyuev through the Eyes of Contemporaries: Collection of Memoirs], comp., text prep. and ref. by V.P. Garnin. St. Petersburg, Rostok Publ., 2005, pp. 108–117. (In Russ.)
9. Obatnin, G.V. "Shtriki k portretu Viach. Ivanova epokhi revoliutsii 1917 goda" ["Details for the Portrait of Vyach. Ivanov of the Epoch of Revolutions of 1917"]. *Russkaia literatura*, no. 2, 1997, pp. 224–230. (In Russ.)
10. Podol'skaia, I.I. "Z.D. Bukharova" ["Z.D. Bukharova"]. Nikolaev, P.A., editor. *Russkie pisateli: 1800–1917. Biograficheskii slovar'* [Russian Writers: 1800–1917. Biographical Dictionary], vol. 1: A–G [A–G]. Moscow, Sovetskaia entsiklopediia Publ., 1989, pp. 380–381. (In Russ.)
11. Propalov, P. "Neizvestnyi avtograf S.A. Esenina" ["Unknown Autograph of S.A. Yesenin"]. *Leninskii put' (Viaz'ma)*, no. 64, April 21, 1990, p. 3. (In Russ.)
12. *Religiozno-filosofskoe obshchestvo v Sankt-Peterburge (Petrograde): Istoriiia v materialakh i dokumentakh: 1907–1917; v 3 t. T. 3: 1914–1917* [Religious and Philosophical Society in St. Petersburg (Petrograd): History in Materials and Documents: 1907–1917; in 3 vols. Vol. 3. 1914–1917], comp. O.T. Ermishin, O.A. Korostelev, L.V. Khachaturian. Moscow, Russkii put' Publ., 2009. 653 p. (In Russ.)
13. Sologub, F. *Polnoe sobranie stikhotvorenii i poem: v 3 t.* [The Complete Collection of Poems and Poems: in 3 vols.], vol. 2, book 2: Stikhotvoreniia i poem 1900–1913 [Poetry and Poems 1900–1913], ed. A.V. Lavrov, prep. T.V. Misnikevich. St. Petersburg, Nauka Publ., 2014. 804 p. (In Russ.)
14. Fidler, F.F. *Iz mira literatorov. Kharaktery i suzheniia* [From the World of Writers. Characters and Judgments], prep. K.M. Azadovskii. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2008. 861 p. (In Russ.)
15. Shatalina, N.N. "Biblioteka F. Sologuba (materialy k opisaniiu)" ["F. Sologub's Library (Materials for the Description)"]. Pavlova, M.M., and A.V. Lavrov, editors. *Neizdannyi Fedor Sologub: stikhi, dokumenty, memuary* [Unpublished Fyodor Sologub: Poems, Documents, Memoirs]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 1997, pp. 435–521. (In Russ.)